

Юный император, слушая всё более мягкий тон Хэ Сы, почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Он смутно догадывался, к чему клонит собеседник, и судорожно сжимал в руках платок.

Хэ Сы склонил голову и смотрел на него с нежностью, словно на беззащитного ягнёнка.

— Простому люду нет дела, как зовут хозяина в императорском дворце, — тихо произнёс он. — Им важно лишь то, кто даст им кров над головой, миску горячего риса, чашку похлёбки, а в это время года — ещё и корзину угля. А дать всё это может не только Ваше Величество... Что до придворных князей и сановников, они на словах жаждут мудрого правителя для процветающей эпохи, но в сущности ничем не отличаются от уличных торговцев и носильщиков. Чей кошелек платит им жалованье, тот и есть их государь. Лишь бы Поднебесная не перестала носить фамилию Ли.

Волосы на голове юного императора, казалось, встали дыбом. Холодный пот заструился у него по спине. Он едва не разорвал платок в клочья, пытаясь сохранить видимость равнодушия.

— Пусть тот, кто хочет быть Сыном Неба, им и станет, — с сарказмом бросил он. — Разве Вы сами не сказали, господин начальник палаты? И народу, и сановникам нужен лишь мудрый правитель, который накормит и оденет их. Какая разница, кто это будет?

— О-о? — Голос Хэ Сы задрожал на опасной ноте. Он не рассердился на этого никчёмного щенка, а лишь усмехнулся. — Сегодня ладно, учитель уже ушёл. Завтра я велю ему как следует прочесть Вашему Величеству лекцию о том, как с древних времён побеждённые становились изгоями и каковы были их кончины. Уверен, это откроет Вам глаза.

Глаза юного императора округлились от ужаса.

Произнеся эту угрозу, Хэ Сы удалился, оставив за собой гробовую тишину.

Его целью было не мгновенно завоевать безоговорочное доверие юного императора, а посеять в его душе зёрнышко. Рано или поздно оно прорастёт, и со временем юноша поймёт, кому можно доверять по-настоящему, кто станет его надёжной опорой, могучим деревом, на которое можно опереться.

Уже на пороге Императорского кабинета Хэ Сы вдруг вспомнил кое о чём. Он обернулся и как бы невзначай донёс до юного императора один намёк:

— Возможно, Ваше Величество уже слышали, что во время моей недавней поездки я оказался в опасности и едва не лишился чести служить Вам впредь. До меня дошли слухи, что к этому причастна Императорская гвардия. Поскольку гвардия — Ваше личное войско, я не смею вмешиваться в её дела. Но сейчас там нет главного распорядителя, и я хотел бы испросить у Вашего Величества разрешения — позвольте ли вы мне слегка выйти за рамки полномочий, чтобы расследовать это дело?

Юный император слушал, чувствуя себя как в тумане, но его чуткий слух уловил слова «Императорская гвардия». Он смутно знал о трениях между двумя ведомствами. Вдовствующая императрица тоже говорила ему, что Восточная палата и Гвардия — это его правая и левая руки, и даже советовала сблизиться именно с Гвардией, ведь евнухи всегда имели дурную славу, и в народе о них говорили как о людях с двойным дном.

Юный император плотно сжал губы, не зная, что ответить Хэ Сы.

К счастью, Хэ Сы и не ждал ответа. Приняв молчание за согласие, он бесшумно удалился.

Вернувшись в свою резиденцию, Хэ Сы, измученный до предела, бросил сквозь зубы: «Если кто-то посмеет меня побеспокоить — выбросить на съедение псам!» — и рухнул в постель.

Он проспал как убитый, пока дискомфорт от мокрой, прилипшей к телу одежды не заставил его нехотя открыть глаза.

Проснувшись, он чувствовал тяжёлую, свинцовую слабость. Тело будто налилось свинцом, давило, не давая вздохнуть.

Ему казалось, будто во сне он сто восемьдесят раз выступал с номером «дробление камней грудью» и едва не раздавил себя насмерть...

Его пробуждение заметил дежурный евнух.

Тот протёр глаза, увидел Хэ Сы — и зрачки его вдруг расширились. Он стрелой метнулся к двери.

Хэ Сы лишь успел с трудом протянуть руку и хрипло прошептать: «Во-ды...»

Но евнух уже вылетел в коридор, вопя на бегу:

— Наместник очнулся! Наместник пришёл в себя!

Гвалт стоял, будто в новогоднюю ночь жгут хлопушки. Хэ Сы остался лежать с беспомощно протянутой рукой, смахнув горькую слезу.

Во-ды! Ему просто хотелось пи-и-ить!

Едва евнух выкрикнул новость, в покои тут же хлынула толпа. Во главе её был Чжао Цзинчжун. Он сделал два прыжка вперёд, с грохотом рухнул на колени, схватил руку Хэ Сы своими железными ладонями, и по его смуглому лицу покатались слёзы.

— Наместник! Вы наконец очнулись! — всхлипнул он.

Вокруг тут же поднялся причитающий плач. Все так разволновались, что Хэ Сы на мгновение задумался: не умер ли он, сам того не ведая?

Уставясь на огромные руки, сжимавшие его ладонь словно тисками, Хэ Сы слабо выдохнул:

— Катись.

Чжао Цзинчжун послушно отполз на пару шагов, символически «откатившись».

Вскоре прибыл придворный лекарь. Беднягу, судя по всему, доставили в ужасе — Янь Чунь влетел с ним, словно вихрь, и швырнул старика у постели Хэ Сы.

Несчастный пожилой врач, помятый такой доставкой, не смел и пикнуть. Немедленно приступил к пульсодиагностике.

Закончив, он, дрожа под пристальными взглядами разбойников из Восточной палаты, вымолвил:

— У наместника жар спал, опасности нет. Э-э-э... этот подданный пропишет пару мягких укрепляющих отваров для восстановления сил. Совсем скоро он поправится.

Собравшиеся вздохнули с облегчением почти хором.

— Но... — лекарь заколебался.

И на него тут же обрушился шквал взглядов. Старик вздрогнул.

— Вон, — выдавил Хэ Сы своим высохшим, хриплым голосом.

И люди Восточной палаты, бросая на него полные тоски взгляды, молча вышли, оставив лишь Чжао Цзинчжуна и Янь Чуня для личных услуг.

Чжао Цзинчжун, с лицом, чёрным от сажи, и глазами, вытарашенными как у медной жаровни, потирал руки и сверлил лекаря взглядом:

— Но что?!

Лекарь от страха онемел. Янь Чунь же, на этот раз без прежней свирепости, мягко произнёс:

— Господин лекарь, говорите смело. Здесь теперь нет посторонних, а мы, в общем-то, народ рассудительный.

Хэ Сы: «...»

Лекарь: «...»

«Ты что, скромничаешь или просто издеваешься?» — подумал Хэ Сы.

«Рассудительные люди» из Восточной палаты?

Пф-ф!

Собрав наконец свои рассыпавшиеся чувства, лекарь медленно проговорил:

— Изначальное здоровье наместника было уже подорвано. На сей раз, после падения в реку и несвоевременного лечения, несколько дней держался сильный жар. Боюсь, это вновь повредило корень жизненных сил. Впредь необходимо тщательно беречь себя, избегать умственного и физического переутомления, иначе последствия будут тяжкими.

Сказав это, он, казалось, хотел добавить что-то ещё, но замялся, покачал головой и закончил:

— Больше ничего.

Хэ Сы понял, что его болезнь выглядит страшнее, чем есть на самом деле, и велел Янь Чуню проводить лекаря со всеми почестями.

Чжао Цзинчжун же, словно заботливая нянька, принялся бормотать рядом:

— Наместник, в этот раз Вам сильно досталось. Но братья обязательно отыграются! Не извольте беспокоиться, всех цзиньцев в столице уже переловили, ни один не ушёл... Ах да! Представляете, какая наглость? Всё указывает на то, что к этому делу причастна Императорская гвардия. Наши люди даже доказательства нашли! Но когда мы пришли к ним

— они всё отрицают. Мало того, слышали мы, они ещё и наградили нескольких причастных к делу, говорят, по личному повелению Его Величества. Да это же прямая пощёчина нашей Восточной палате!

Хэ Сы слушал, и в ушах у него стоял звон. Но в конце фразы его сердце ёкнуло.

— Кого наградили?

— А, так, нескольких младших офицеров, — начал Чжао Цзинчжун, но тут же спохватился. Он лихорадочно стал вспоминать имена и наконец выудил одно знакомое. Осторожно поглядев на Хэ Сы, лицо которого было цвета пожухлой травы, он произнёс:

— Был там один... по фамилии Лу. Говорят, отличился, повысили до сотника.

«Неплохо-неплохо», — мысленно похвалил Хэ Сы, с облегчением развалившись на подушках, словно подвяленная овощная соломка. Видно, его «намёк» юному императору не прошёл даром.

Учитывая отношения между Гвардией и Восточной палатой, разве не логично, что тот, кто его подставил, получил повышение и награды?

Чжао Цзинчжун, видя, что настроение у наместника, кажется, не очень, почтительно подал ему чай:

— Наместник, не извольте гневаться. Четырёхлапую жабу найти трудно, а двуногих мужиков — хоть пруд пруди. Не стоит тратить душевные силы на какого-то неблагодарного гвардейца. Как-нибудь подберу Вам парочку получше, ручаюсь — будут и послушнее, и смышлнее той сволочи.

Хэ Сы чуть не поперхнулся водой. Он смотрел на Чжао Цзинчжуна с бездной смысла во взгляде.

— Чжунчжун...

Чжао Цзинчжун: «?»

— Найди-ка себе пару, поухаживай за кем-нибудь, — с назиданием произнёс Хэ Сы. Чтобы тот перестал думать о том, как бы подобрать своему наместнику нового фаворита. Сама мысль о том, что однажды он может откинуть одеяло и обнаружить там какого-нибудь красивого юнца с упругой попкой, повергала его в ужас. Хэ Сы поспешно отхлебнул воды, чтобы подавить панику, и сменил тему:

— Кстати, почему все собрались здесь? Даже Ван Чжаоцай пришёл?

<http://bllate.org/book/16284/1467068>